

Мишель де Монтень
**ПУТЕВОЙ
ДНЕВНИК**

Путешествие Мишеля де Монтеня
в Германию и Италию

КИП
Санкт-Петербург

Гравированный портрет Монтеня к первым изданиям
«Дневника» 1774 г.

STOIA

PANTH

TENEBR

NOSTRA VAGATVR IN

RECIT DEVS HOMINE

HVMANVS NE MORTU

KEND

PL. EX. C.

Паломники на пути в Лорето.
Фрагмент гравюры Маттеуса Мериана

С. 6–7. Балки с латинскими
и греческими изречениями
в библиотеке замка Монтеня

*Предисловие Менье де Керлона,
первого издателя
«Путевого дневника» Монтеня*

I

В главе IX третьей книги «Опытов» Монтень упоминает о своих путешествиях и, в частности, о посещении Рима. Он даже подробно сообщает о *римском гражданстве*, которое было даровано ему «хранителями римского народа». Так что было вполне известно: Монтень совершил путешествие по Швейцарии, Германии, Италии, но вызывало удивление, почему наблюдатель такого масштаба, писатель, наполнивший свои «Опыты» множеством домашних и личных подробностей, ничего не написал об этой поездке. Однако, поскольку за сто восемьдесят лет, миновавших после его смерти, никаких ее следов так и не обнаружилось, о ней просто перестали думать.

Г-н Прюни, каноник Шанселадского аббатства¹ в Перигоре, объезжал эту провинцию, разыскивая документы, имевшие касательство к ее истории. Заглянул он и в старинный замок

¹ ...каноник Шанселадского аббатства... – * Так исстари называли монахов этой обители (здесь и далее под звездочкой прим. переводчика).

Монтень¹, которым владел г-н граф де Сегюр де ла Рокет², чтобы порыться в его архивах, буде таковые там окажутся. Ему показали старый сундук, заключавший в себе давно преданные забвению бумаги, и позволили их просмотреть. И вот совершенно неожиданно он обнаружил там оригинал рукописи «Путешествия Монтеня», возможно, существовавший в единственном экземпляре. Он получил от г-на де Сегюра дозволение подвергнуть манускрипт всестороннему обследованию. И, убедившись наконец в подлинности этого драгоценного посмертного произведения Монтеня, совершил поездку в Париж, дабы вдобавок заручиться свидетельствами сведущих людей. Рукопись была изучена различными учеными и литераторами, а главное – г-ном Каперонье, хранителем Королевской библиотеки, и «Дневник путешествия» был единодушно признан автографом Монтеня. Этот манускрипт представляет собой небольшой том *in folio* в сто семьдесят восемь страниц. Прежде всего и почерк, и бумага неоспоримо относятся к концу XVI века. Что касается

¹ ...старинный замок Монтень... – Этот замок находится в приходе Сен-Мишель де Монтень, в 200-300 шагах от селения, в полулье от Дордони и в двух лье от городка Сент-Фуа; он относится к диоцезу Перигё и от него до этого города с епископской резиденцией примерно два лье. Замок большой, солидно построенный и хорошо расположен на возвышенном месте. Там имеются две башни и пристройки с красивым просторным двором. (здесь и далее прим. М. де Керлона).

² Г-н граф де Сегюр де ла Рокет происходит в шестом поколении от Элеоноры де Монтень, единственной дочери автора «Опытов». Элеонора была замужем два раза: от первого брака у нее не было детей, и она во второй раз вышла замуж за виконта Шарля де Гамаша. Ее единственная дочь Мари де Гамаш была замужем за Луи де Люром де Салюсом, бароном де Фаргом, у нее было три дочери. Последняя, Клод-Мадлен де Люр, вышла замуж за Эли Изака де Сегюра, от которого произошел Жан де Сегюр, отец Александра и дед того самого графа де Сегюра де ла Рокета, которому в итоге и достался замок Монтень согласно завещательным распоряжениям отца Элеоноры.

языка, то ошибиться невозможно: здесь вполне узнаваемы простодушие, искренность, а также выражения, на которых словно лежит печать самого Монтеня. Часть рукописи (примерно треть) написана рукой слуги, очевидно, выполнявшего при Монтене также обязанности секретаря, который всегда говорит о своем хозяине в третьем лице, но очевидно, что он писал под его диктовку, поскольку тут встречаются все *эгоизмы* Монтеня – характерные, присущие только ему обороты, которые вырываются у него, даже когда он диктует, выдавая его с головой. Весь остаток «Дневника» написан его собственной рукой, тут Монтень говорит непосредственно от первого лица (мы сличили почерк), однако больше половины этой части он изъясняется по-итальянски. На тот случай, если бы возникли какие-либо сомнения в подлинности рукописи, а также чтобы прибегать к ней в случае надобности, она была помещена в Королевскую библиотеку. Добавим для точности, что в ее начале не хватает одного или нескольких листков, которые, похоже, были вырваны.

Если рассматривать это посмертное произведение Монтеня только как некий исторический памятник, представляющий состояние Рима и значительной части Италии таким, каким оно было в конце XVI века, оно уже имело бы неоспоримую ценность. Но манера письма Монтеня, его энергичность, правдивость, искренность его философского ума и его гений, пропитывая собой все его идеи, воспринятые или произведенные его собственным разумом, делают «Дневник» еще более драгоценным.

Однако, чтобы иметь возможность представить это произведение публике, сначала требовалось расшифровать его и сделать с него разборчивую копию. Шанселадский каноник уже скопировал манускрипт и даже перевел всю итальянскую часть, но его копия грешила многими ошибками и пропусками, от которых весьма часто страдал смысл, а перевод с итальянского был еще менее пригоден. Так что для начала мы поработали,

чтобы переписать рукопись как можно точнее, ничего не опуская и не изменяя ни единого слова.

Эта первая операция не обошлась без трудностей как из-за плохого почерка слуги, который держал перо вплоть до самого Рима, так и из-за того, что и сам Монтень не очень-то охотно следовал правилам правописания, благодаря «Опытам» нам слишком хорошо известна его небрежность на сей счет¹. Однако более всего трудными для чтения оба этих почерка делает в основном их орфография, потому что трудно вообразить себе что-нибудь более причудливое, беспорядочное и несогласованное, нежели то, что имеется в этой рукописи. Потребовалось много терпения и времени, чтобы преодолеть все трудности. Затем новая копия была тщательно вычитана, выверена и сличена с оригиналом, и сам г-н Каперонье уделил этому наибольшую заботу.

После того как эта копия была передана в типографию, назрела необходимость добавить примечания, дабы разъяснить смысл старых и давно вышедших из обихода слов либо прояснить историю и дать, насколько возможно, необходимые сведения о людях, упомянутых Монтенем; однако мы постарались сделать свои примечания ни чересчур многословными, ни чересчур многочисленными. Впрочем, как мы увидим, и невозможно было еще больше увеличить количество комментариев, вдобавок обременяя их собственными размышлениями. Ограничившись чистой необходимостью, мы хотели избежать избытка пространных, излишне эрудированных и даже философических примечаний, которые порой расточают, забывая об авторе, чьи слова, собственно, и следует истолковать, а также без большой пользы

¹ Монтень, упоминая о своих деловых письмах, говорит в «Опытах», I, 39: «...хотя почерк у меня омерзительный, я все же предпочитаю писать своей рукой, а не переключиваю это на других». И в кн. II, 17: «Руки мои до того неуклюжи, что я не могу толком писать даже для себя самого, и бывает, что, нацарапав что-нибудь, предпочитаю переписать заново, чем разбирать собственную пачкотню».

для читателей, ищущих именно этого, а вовсе не чего-либо другого. Возможно, и не требовалось заурядное безразличие, чтобы воспротивиться искушению и не отдаться всем идеям Монтеня, самому его воодушевлению, комментируя написанное им; и я не знаю, стоит ли тут говорить более о том, от чего мы воздержались, нежели о действительно проделанной нами работе. Во всяком случае, мы не можем умолчать о своем долге по отношению к г-ну Жаме-младшему, весьма образованному литератору, от которого мы получили большую помощь, в основном касавшуюся примечаний, многие из которых принадлежат ему¹.

Однако, без всякого сомнения, наибольших трудов нам стоила та часть «Дневника», которая написана Монтенем по-итальянски. Она была еще труднее для чтения, чем французский текст, как из-за своей дурной орфографии, так и из-за слишком вольного обращения с чужим языком, в результате чего он оказался переполнен массой словечек из различных наречий и галлицизмами². Только итальянец мог расшифровать эту часть и привести

¹ В кабинете у г-на Жаме имеются хорошие материалы для «Истории Монтеня» (совершенно не известные председателю Буйе), которые он любезно согласился нам передать. Двадцать лет назад он получил их от г-на *де Монтескье-сына* через г-на аббата *Бертена*, государственного советника, а в то время советника парламента Бордо и главного викария Перигё, для того чтобы жизнеописание Монтеня было опубликовано более точным и обширным, нежели напечатанный в Лондоне труд председателя Буйе. Мы охотно выполнили бы это пожелание, если бы могли иметь доступ к письмам Монтеня, которые, как известно, находятся в руках *некоторых особ*.

² Мы вполне представляем себе, что Монтеню писать на иностранном языке было так же трудно, как и на нашем. «Находясь в Италии, я дал одному человеку, дурно изъяснявшемуся по-итальянски, вот какой совет: раз он не стремится хорошо говорить на этом языке, а хочет только, чтобы его понимали, пусть употребляет первые попавшиеся слова – латинские, французские, испанские или гасконские, – прибавляя к ним итальянские окончания; в таком случае его речь непременно совпадет с каким-нибудь наречием

ее в порядок, сделав вразумительной. По счастью, пока печатали первый том, в Париже находился г-н Бартоли, антиквар короля Сардинии, недавно избранный ассоциированным членом Королевской академии надписей и изящной словесности. Он-то и пожелал взяться за эту работу, не только переписав собственной рукой эту часть, но еще и добавив к ней грамматические примечания, как мы делали с французским текстом, и даже несколько исторических: отсюда следует, что вся итальянская часть отпечатана с его копии. И именно с этой копии, учтя также многочисленные поправки, внесенные им в перевод г-на Прюни, мы сделали нашу собственную переводную версию, не слишком рабски-буквально следуя итальянскому Монтеня, что могло бы привести к нелепостям. В остальном же «Дневнике» все выражения французского текста были нами тщательно сохранены; мы даже довели свою скрупулезность до того, что полностью передали всю орфографию Монтеня и его *секретаря*, чтобы никто не смог заподозрить нас в малейшем искажении текста; и мы действительно ничего подобного себе не позволяли.

II

Потеря одного или нескольких листков, которых не хватает в начале рукописи, наверняка незначительна. Поскольку наш путешественник уехал из своего замка 22 июня 1580 года (как он нарочно это отмечает в конце «Дневника»), задержался на какое-то время при осаде Ла Фера, организованной маршалом Матиньо-

страны: тосканским, римским, венецианским, пьемонтским или неаполитанским, или с какой-нибудь из их разновидностей» («Опыт», II, 12). Тем не менее, находясь в Лукке, Монтень возымел желание изучить тосканский язык: «Мне пришла фантазия изучать флорентийское наречие, причем усердно и старательно; я потратил на это достаточно времени и усилий, но мало чего добился».

ном для Лиги и начатой ближе к концу того же июня¹, а когда там был убит граф де Грамон², он с другими друзьями сопроводил тело погибшего в Суасон³. 5 сентября он находился только в Бомоне-на-Уазе, откуда и отбыл в Лотарингию. Тем не менее эта лакуна не позволяет нам узнать ни обстоятельств его отъезда, ни подробностей происшествия с ранением безвестного графа (быть может, во время той же осады), проведать которого Монтень отправил собственного брата⁴, наконец, ни количества, ни

¹ Согласно Мазерати, осада Ла Фера продлилась шесть недель и город сдался лишь 12 сентября 1580 года.

² Этот граф де Грамон был мужем *прекрасной Коризанды*, одной из любовниц Генриха IV.

³ «Опыты», III, 4.

⁴ У Монтеня было пять братьев*: капитан Сен-Мартен, погибший в двадцать три года от удара мячом во время игры, «Опыты», I, 19; сеньор д'Арсак, владетель земли в Медоке, которая была занесена морскими песками; сеньор де Ла Брусс, изъятый председателем Буйе из жизнеописания Монтеня, но упомянутый в «Опытах», II, 5; сьер де Матекулон, который участвовал в *путешествии* Монтеня; сьер де Борегар, ставший протестантом, как мы узнаем из письма Монтеня, которое содержит рассказ о смерти Этьена де Ла Бюэси.

* Известны имена *четырёх* младших братьев Монтеня:

1. Тома (род. 1534), сеньор *де Борегар*, действительно протестант, стал также сеньором *д'Арсаком* благодаря своей женьитьбе на Жакетте д'Арсак, родственнице Этьена де Ла Бюэси, ближайшего друга Монтеня («В Медоке море засыпало песком земли моего брата, господина д'Арсака»; «Опыты», I, 31); так что Керлон ошибся, разделив его на двух человек.

2. Пьер (1535–1597), сеньор де Ла Брусс («Однажды, во время наших гражданских войн, я, путешествуя вместе с моим братом, сьером де Ла Бруссом...»; «Опыты», II, 5).

3. Арно (1541–1569), капитан Сен-Мартен («...мой брат, капитан Сен-Мартен, двадцатитрехлетний молодой человек, уже успевший, однако, проявить свои незаурядные способности, как-то во время игры был сильно ушиблен мячом, причем удар, пришедшийся немного выше правого уха, не причинил раны и не оставил после себя даже кровоподтека. Получив удар, брат

имен всех участников путешествия. Вот те, о ком продолжение «Дневника» нам даст некоторое знакомство, это: 1) брат Монтеня сьер де Матекулон, который во время своего пребывания в Риме ввязался в дуэль, о которой Монтень упоминает в добавлении к II книге «Опытов», гл. 37, но ничего не говорит о ней в самом «Дневнике»; 2) г-н д'Эстиссак, возможно, сын дамы д'Эстиссак, которой он в той же книге посвящает главу VIII «О родительской любви к детям» (это был наверняка молодой человек, поскольку папа римский во время аудиенции, на которой он был принят, призвал его «усердствовать в изучении добродетели»); 3) г-н де Казалис, который покинет их общество в Падуе; 4) г-н дю Отуа, лотарингский дворянин, который совершил путешествие вместе с Монтенем¹. Из описаний этой поездки видно, что она совершалась либо в наемных повозках, которые использовались тогда скорее для перевозки багажа, нежели людей, либо (чаще

мой не прилег и даже не присел, но через пять или шесть часов скончался от апоплексии, причиненной этим ушибом»). Но что касается его возраста, то тут явное недоразумение. По сохранившимся документам, на момент смерти их отца (в 1568-м) Арно было уже двадцать семь лет, и умер он (опять же по документам) в промежутке между двумя официально зарегистрированными датами: 22 августа 1568 года и 23 мая 1569 года (когда среди членов семьи распределялось его наследство, поскольку он не оставил после себя детей). Так что это либо описка самого Монтеня, либо (что скорее всего) ошибка наборщика в типографии, спутавшего числа 28 и 23 из-за известной неразборчивости монтеневского почерка.

4. Бертран-Шарль (1560–1627), сеньор де Матекулон, младший из братьев Монтеня, участник его итальянского путешествия, упоминается на первой же странице «Дневника».

Возможно, были и другие братья, умершие ранее, но история не сохранила их имен. Так что вернее было бы сказать: «Монтень был старшим из пяти братьев».

¹ Ныне живущий в Лотарингии г-н граф дю Отуа происходит из этого же рода.

всего) верхом на лошади – как путешествовали в то время и к чему особенно имел склонность сам Монтень, который никогда не чувствовал себя лучше, нежели «сидя в седле»¹.

Монтень родился живым, кипучим, полным огня; он ни в коем случае не был оседлым созерцателем, как могли бы подумать те, кто представляет его себе исключительно в домашней библиотеке, занятого сочинением «Опытов». Его молодость была весьма насыщенной. Смуты и волнения, свидетелем которых он был при пяти сменявших друг друга королях вплоть до воцарения Генриха IV, не смогли погасить в нем эту живость, эту порождающую любопытство неуемность ума, поскольку они отмечают собой даже самые холодные головы. Он путешествовал по королевству и, что подчас было ценнее путешествий, очень хорошо знал Париж и двор. Его любовь к столице изливается в III книге «Опытов», в гл. 9. Жак Огюст де Ту в «Частных мемуарах своей жизни» (*De vitâ suâ. Lib. 3.*) сообщает, что Монтень обхаживал одновременно слишком знаменитого герцога де Гиза – Генриха Лотарингского, и короля Наваррского, ставшего впоследствии Генрихом IV, королем Франции. И добавляет, что в 1588 году он сам присутствовал на заседании Генеральных штатов в Блуа, когда там был убит герцог де Гиз. Так вот, по его словам, Монтень предвидел это и даже сказал, что смута в государстве сможет закончиться только смертью одного из двоих: либо герцога де Гиза, либо короля Наваррского. Он прекрасно разгадал намерения обоих принцев и говорил своему другу де Ту, что король Наваррский уже совсем готов вернуться к религии своих отцов (то есть к римскому причастию) и опасается только быть покинутым своей партией, а герцог де Гиз со своей стороны не слишком далек

¹ «Несмотря на мои колики, я не слезаю с лошади по восемь – десять часов кряду и все же не ощущаю чрезмерной усталости – *vires ultrâ sortemque senectae*» («Сверх сил и удела старости» – *лат.*). «Опыты», III, 9.

от Аугсбургского исповедания¹, склонность к которому внушил ему собственный дядюшка, кардинал Лотарингский, и существовала реальная угроза, что он к нему примкнет. Из «Опытов» (кн. III, гл. 2) видно, как Монтень вел себя с представителями различных партий. Так что он вполне был искушен в делах и наделен проницательностью, которая требовалась, чтобы принять в них участие, если бы захотел в это вмешаться; однако, по счастью, ему удавалось сохранять философскую отрешенность во времена самых опасных испытаний.

Когда особая склонность Монтеня к философствованию меньше выражена в «Опытах», становится очевидным его своеобразное и весьма пространное знание людей, неизбежно предполагающее как действие, так и опыт: ведь людей не разгадывают в тиши своего кабинета, в их души проникают, лишь приближаясь к ним, рассматривая с очень близкого расстояния. Так и страсть к путешествиям вполне естественна у философа, которому любопытно познакомиться с другими нравами и другими людьми, нежели те, что его окружают. Правда, он сделает это немного поздновато, по крайней мере, для того путешествия, о котором повествует, поскольку ему сорок семь лет, – таким образом он оправдывается, что совершил его уже *женатым и старым*.

«Дневник» ничего нам не сообщает ни о точной цели этого последнего путешествия, ни о причине, побудившей Монтеня покинуть родной очаг, оставить жену и дочь в тревогах из-за довольно долгого отсутствия главы семьи (им обоим суждено пережить его), поскольку, к слову сказать, наш философ был хо-

¹* То есть от лютеранства. Аугсбургское исповедание (*лат. Confessio Augustana, нем. Augsburgers Bekenntnis*) – официальный вероисповедальный документ, является богословской нормой для лютеран, их кредо. Его первоначальная версия была написана Меланхтоном в 1530 году и одобрена самим Лютером как изложение исповедания веры Лютеранской церкви.

рошим мужем, хорошим отцом, хорошим братом и т. д.¹. Однако нам кажется очевидным, что отнюдь не одно лишь любопытство увидеть Германию и Италию побудило Монтеня предпринять эту семнадцатимесячную прогулку. Тут явно присутствовал вопрос о собственном здоровье. Он стал больным человеком – мочекаменная болезнь с ее коликами, либо наследственная, либо приобретенная из-за *расточительства лет*, оставляла ему в то время весьма мало возможностей расслабиться. Он совершенно не верил в медицину и сторонился врачей, что засвидетельствовано в его «Опытах»². Использование минеральных вод в качестве ванн, душа и питья было, по его мнению, самым простым и надежным лечением. Он уже побывал в самых известных водолечебницах Франции, а теперь захотел испытать воды Лотарингии, Швейцарии и Тосканы. Этот план и определил в основном цель его поездки; мы видим его в беспрестанных заботах о своем слабом здоровье, видим, как он исследует все сколько-нибудь известные минеральные воды и пробует их: именно это нравилось ему более всего³. Однако мы не можем скрыть: постоянная

¹ Монтень, писавший своей жене, чтобы утешить ее после потери двухлетней дочери, которая родилась у них после четырех лет брака и была тогда их единственным ребенком, так начал свое письмо: «Жена моя, вы вполне понимаете, что сейчас не время быть галантным, увиваться за вами и любезничать. Люди говорят, что ловкий человек может взять женщину, но жениться на ней – значит сделать глупость. Пускай говорят: я со своей стороны держусь простого обычая древних времен, так что в нынешних обстоятельствах облачен скорее в шкуру... и т. д.».

² «Опыты», II, 37.

³ «Кто не приезжает на воды достаточно бодро настроенным, с желанием наслаждаться обществом людей, здесь находящихся, участвовать в прогулках, к которым весьма располагает красота мест, где обычно находятся целебные источники, тот несомненно сильно понижает полезное действие водолечения. По этой причине я до настоящего времени выбирал места с наиболее красивыми окрестностями, с наибольшими удобствами по части жилья,

склонность Монтеня к поиску этих вод не добавляет занимательности его «Дневнику»; порой он даже становится из-за этого скучным и не слишком приятным. Но не надо относиться к нему как к произведению, которое сам Монтень имел хоть малейшее намерение сделать доступным для публики. Похоже, что он вел его (в том числе и своей рукой) лишь для того, чтобы отметить для самого себя то, что он видел и делал, запечатлеть маленькие происшествия, касавшиеся его собственной особы. Если бы он хотел опубликовать его, то наверняка избавил бы нас от всех подробностей своего лечения и особенно своего долгого пребывания на водах Лукки и Виллы, которые могли быть интересны лишь ему самому. Мы могли бы опустить их, и такая мысль действительно нас посещала. Но это значило бы исказить подлинник; повествование Монтеня уже утратило бы свою полноту и цельность, и при сокращении малейшей подробности нас заподозрили бы в том, что мы допустили изъятие и других. Так что мы приняли наиболее верное решение, состоявшее в том, чтобы опубликовать произведение таким, каким оно было в оригинале, то есть без малейших опущений и утаиваний. Если все детали подобного рода, которыми буквально нашпигованы «Опыты», нисколько не мешают тому, чтобы их читали, а читатели не без оснований предпочитают наиболее полные издания всем этим «Выдержкам» и «Извлечениям» из Монтеня, то, поступая так прежде, они вполне могут сделать, да и наверняка сделают, то же самое и с этим «Дневником». У тех, кто заскучает над подробностями пломбьерских или луккских водолечебниц, всегда остается возможность избавиться себя от их чтения – и они перестанут существовать для них. Мы предупреждаем

питания и общества; к числу их принадлежат во Франции – *баньерские* воды, на границе Германии и Лотарингии – *пломбьерские* воды, в Швейцарии – *баденские* источники, в Тоскане – *луккские*, а в особенности так называемые “*воды делла Вилла*”, которыми я пользовался чаще всего и в разное время». «Опыты», II, 37.

их заранее и добавим к тому же, что весь эгоцентризм, в котором упрекают «Опыты», имеется и в этом «Дневнике». Тут мы увидим только Монтеня, он говорит исключительно о себе; все почести достаются только ему; его спутники по путешествию, за исключением г-на д'Эстиссака, здесь почти не упоминаются, и в конце концов создается впечатление, что он путешествует один и ради себя одного. Правда, сопровождавшее его общество не всегда следует за ним в его отклонениях от маршрута, и особенно на воды. Уже это маленькое наблюдение почти позволяет понять характер «Дневника», который вскоре будет развит.

Поскольку воды Лотарингии, Швейцарии и Италии отнюдь не были единственной целью путешествия, описание которого прочитает читатель (хотя действиями Монтеня руководило в основном желание испробовать все), надо установить, какую часть в этом занимали красоты страны, притягательность искусства и монументов, интерес к древности, к чужим нравам и т. д., и т. д.

III

Во время путешествия Монтеня в Италию (1580 год) эта прекрасная страна, усеянная античными руинами и обломками, уже два века как была родиной искусств. Ее обогатили своими трудами Палладио, Виньола, Микеланджело, Рафаэль, Джулио Романо, Корреджо, Тициан, Паоло Веронезе, Тинторетто и т. д. Правда, Алессандро Альгарди, Гвидо Рени, Франческо Альбани, Доменикино, Джованни Ланфранко, Пьетро да Кортоня, Аннибале Карраччи и целая толпа других великих мастеров, близко следовавших за первыми, тогда еще не произвели бесчисленное множество произведений во всех жанрах, которые ныне украшают церкви и дворцы Италии. Правившего тогда папу, Григория XIII, занимали скорее строительные работы

и прочие общепользные предприятия, нежели искусства, украшательство и развлечения. Сикст V, его преемник, избранный через четыре года после путешествия Монтеня, гораздо больше украсил Рим за шесть без малого лет, что длилось его правление, чем Григорий XIII за двенадцать лет своего понтификата. Тем не менее эта столица, равно как Флоренция, Венеция, а также многие другие города, где побывал Монтень, уже имела чем привлечь внимание путешественников – своими богатствами и всевозможными монументами, которыми наполнили ее искусства. Так что Монтеню было чем себя занять. Мог ли человек с таким живым воображением, которое сквозит в его «Опытах», и со столь выразительным слогом равнодушно взирать на окружавшие его искусства Древней Греции? Если «Дневник» его путешествия содержит мало описаний статуй¹, картин и других достопримечательностей, которыми пестрят описания всех современных путешественников, большая часть которых повторяет или копирует друг друга, то потому лишь, что в то время у него имелись книги, где все это было; а еще потому, что он любовался всем этим только для себя или же в его план наблюдений не входило записывать впечатления, которые предметы искусства оказывали на него, а также обременять себя познаниями, обладание которыми он оставлял самим художникам. Однако похоже, что все руины, оставшиеся после римлян, его необычайно поражали.

Именно здесь он искал римский гений, который был для него столь реальным, столь явственно ощутимым, что он видел и чувствовал его, как никто другой, в знакомых ему произведениях римлян, а особенно в трудах Плутарха. Он замечал, как этот гений все еще дышит под обширными развалинами былой столицы мира. Никогда и никто, быть может, не пости-

¹ Он пишет: *Это статуи, которые мне больше всего понравились в Риме.* Стало быть, наш философ сравнивал, а значит – был чувствителен к искусству.

гал Рим так же глубоко, как он в своих прекрасных размышлениях о его гигантской могиле. По меньшей мере несомненно, что в огромном количестве рассказов и описаний, сделанных на всех языках о древних руинах и обломках великого города, ничто не приближается к этому красноречивому отрывку, ничто не дает столь полное представление о средоточии Римской империи.

Прежде чем прочесть эти размышления, посмотрим, как Монтень с картами и книгами *изучал* город, и тогда мы поймем, что мало путешественников и до него, и даже после него смогло лучше увидеть Рим. К тому же нельзя сомневаться, что он разделил свое внимание между древним Римом и новым, одинаково хорошо изучил останки римского величия и современные ему церкви, дворцы, сады со всем тем, чем они уже были украшены. Столь малое количество описаний Рима и его окрестностей, сделанных в его «Дневнике», наводит на мысль, что ему не хватало вкуса к искусству, но она будет явно ошибочной, поскольку, чтобы не брать на себя эту задачу, он, как уже было сказано, отсылает нас к книгам. С тех пор облик Рима изменился, но нам показалось любопытным сопоставить его описание, каким бы оно ни было, с более недавними, и мы вовсе не пренебрегали этим сравнением и делали его, когда оно казалось нам необходимым. Монтень вовсе не проявляет чрезмерного восхищения Венецией, где пробыл всего семь дней, поскольку намеревался снова увидеть этот замечательный город, но уже в свое удовольствие; однако заметим, что, хотя он отнюдь не был нечувствителен к прекрасному, любясь им, он был все же довольно сдержан в своих восторгах¹. Похоже, более всего его

¹ Сегодня этим даже слишком восхищаются, и большинство наших философов (или тех из нас, кто называет себя этим именем) не больше других защищены от чувства, которое вовсе не доказывает величину ума, которую хотят показать.

трогают природные красоты, местное многообразие, приятная или необычная местность, живописный, порой пустынный или дикий пейзаж или, наоборот, возделанные и ухоженные земли, внушительный вид гор и т. д., и т. д. Тем не менее естественная история практически не затронута в его наблюдениях, если только речь не идет о минеральных водах: деревья, растения, животные занимают его весьма мало. Хоть он и сокрушается по-настоящему, что не увидел на флорентийской дороге вулкан *Pietra mala*, пропустив его по чистой забывчивости, однако назад не поворачивает. Мы видим его изрядное любопытство к гидротехническим и прочим машинам и вообще ко всем полезным изобретениям.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА